

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

ПЕРВОРОДНЫЙ ГРЕХ КАК ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ В
ФИЛОСОФИИ П. А. ФЛОРЕНСКОГО

Легостаев Александр Сергеевич

Аспирант

Оренбургский государственный педагогический университет, Исторический

факультет, Оренбург, Россия

E-mail: valdai-85@mail.ru

В тематическом многообразии философских исканий П. А. Флоренского центральное место занимает проблема первородного греха. В своих гносеологических исследованиях мыслитель, констатирует двойственность познавательного акта, выражающегося в наличии субъект-объектной дихотомии, которая «раздражает философствующее сознание и вызывает в ответ к себе, движение философской мысли»[1,147]. По мнению П. А. Флоренского, философская мысль должна преодолеть трагическое раздвоение и разработать монистическую теорию познания. Исходя из раздвоенности акта знания, в истории философии сложилось два направления мысли, которые пытаются по-своему разрешить основную антиномию теории познания.

Первый путь можно обозначить как эмпиризм, для которого характерно признание объекта как нечто заведомо известное, реально существующее. Субъект при этом есть нечто вторичное, зависимое от объекта. Таким образом, субъект дедуцируется из объекта.

Второй путь характеризуется в статье как рационализм, который, напротив, исходит из субъективного момента знания субъекта. Здесь уже, наоборот, объект дедуцируется из субъекта»[1,148-149].

Уклон в ту, или иную сторону свидетельствует об ограниченности человеческого рассудка, о его неспособности познать истину как эмпирическим, так и теоретическим путем. Но в чем причина подобного гносеологического пессимизма? По мнению П. А. Флоренского, ограниченность, самопротиворечивость рассудка есть следствие первородного греха. В знаменитом диалоге «Эмпирея и Эмпирия» читаем: «Мы признаем, что своим грехопадением человек нарушил не естественные законы, не законы эмпирического бытия, но мистический порядок бытия, что болезни, и смерть, и нравственное разложение явились не непосредственно потому, что нарушены были законы того душевного мира, который изучается в эмпирической психологии, а явились лишь внешним обнаружением переворота во внутреннем отношении к Божеству, причем это отношение духа к Божеству *первее* всякого «состояния сознания», лежит вне «пучка психических явлений»[2,303]. В «Столпе» о. Павел развивает учение о грехе: «Грех – момент разлада, распада и развала духовной жизни. Душа теряет свое субстанциональное единство, теряет сознание своей творческой природы, теряется в хаотическом вихре своих же состояний, переставая быть субстанцией их. . . Грех - нежелание выйти из состояния само-тождества из тождества «Я=Я», или, точнее «Я!». . . Одним словом, грех есть то, что лишает возможности обоснования и, следовательно, объяснения, т. е. разумности. В погоне за греховным рационализмом сознание лишается присущей всему бытию рациональности. Из-за умствования оно перестает созерцать умно»[3,158,160,161]. Здесь мыслитель следует в русле святоотеческой традиции, в которой учение о грехе

разработано достаточно подробно. Нас, прежде всего, интересуют гносеологические последствия человеческого грехопадения. Из писаний святого Макария Египетского мы узнаем о состоянии человека до грехопадения: «До преступления они были облечены Божьею славой. . . Адам, пока держался заповеди, был другом Божьим – и с Богом пребывал в раю. В Адаме пребывало Слово, и имел он в себе Духа Божия. Ум первоначально чистый пребывал в чине своем, созерцал владыку своего; . . . Само пребывание в нем было для него всем: и ведением, и ощущением (блаженства), и наследием, и учением. Человек в чести и чистоте, был владыкой всего, начиная от Неба и до дальнего, умел различать страсти, чужд был демонам, чист от греха, или от пороков, - Божьим подобием был» [4,197-199]. Результатом беззакония стало разрушение целостности бытия. Истина единая и непротиворечивая была разбита в сознании падшего человека на множество осколков. Как метко указывал крупнейший православный богослов XX века В. Н. Лосский: «Внезапно опрокинутый ум человека вместо того, чтобы отражать вечность, отображает в себе бесформенную материю: первозданная иерархия в человеке ранее открытом для благодати и излившем ее в мир, - перевернута»[5,512].

Таким образом, наличие субъект-объектной дихотомии П. А. Флоренский связывает с первородным грехом, который ограничил познавательные возможности человека. Преодоление дробности и противоречивости человеческого познания Флоренский видит в деятельно-созерцательной практике, образцом которой является жизнь святых подвижников. Только их преображенному сознанию доступна бездонная глубина религиозного видения Инобытийной реальности, где происходит примирение антиномий.

Литература

1. Флоренский, П. А. Пределы гносеологии (основная антиномия теории знания) // Богословский вестник. – 1913. – Т. 1.
2. Флоренский, П. А. Эмпирея и Эмпирия // Богословский труды. – 1987. - № 27.
3. Флоренский, П. А. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи – М.:АСТ, 2007.
4. Добротолюбие в 5 томах. – М.:Артос-Медия, 2008 – Т. 1.
5. Лосский, В. Н. Догматическое богословие. // Лосский В. Н. Боговидение. – М.: АСТ, 2006.